

Александр Солженицын

МИР СТРАДАЕТ ОТ НЕДОСТАТКА САМООГРАНИЧЕНИЯ

Еженедельник «Цайт» опубликовал интервью с А. И. Солженицыным, перевод которого мы предлагаем нашим читателям с некоторыми сокращениями

— Г-н Солженицын, все ваше произведение «Красное колесо» — это история и в то же время литература, и в этом заключается сложность. Как вы устанавливаете соотношение между чистым учебником истории, учебником истории в форме рассказа — такое тоже бывает, в Германии так пишет, например, Голо Манн — и вымыслом? Тут очень тонкая граница.

— Конечно, найти правильное соотношение между историческим материалом и художественным изложением в таком всеобъемлющем произведении, как «Красное колесо», нелегко. Передо мной стояли эти две задачи. Мне надо было очень добросовестно изложить исторический материал особенно потому, что у нас он полностью погребен под завалами и предан забвению. В прошлом авторы поступали так: чтобы рассказать об известном историческом событии, с ним искусственно уязвляли вымышленных персонажей. Я считал такой прием весьма искусственным, грубым. Я избрал другой путь и не вставляю никаких придуманных фигур, которые мотались бы в промежутках между историческими событиями. Когда я рассказываю об историческом событии, я беру исторические личности, которые принимали в нем участие. Поэтому вымышленные, литературные персонажи отнесены у меня на второй план. Они создают атмосферу нормальной повседневной жизни, которая продолжается дальше. Поэтому на первом плане стоит исторический материал, ведь в нем заключается главная цель книги. Свою художественную задачу я вижу в том, чтобы как можно глубже проникнуть в психологию исторических деятелей и представить их изнутри...

— У меня вопрос: какую роль играет при изложении событий ваша система этических ценностей?

— Я не допускаю, что писатель может писать, отбрасывая при этом собственные этические воззрения. В настоящее время писатель утратил уверенность в том, что он может убеждать людей, и опускается до того, что создает литературу для развлечения, для удовольствия или только самовыражается как писатель. В обоих случаях происходит измелчание литературы...

— Писатель не может отступать от своих нравственных убеждений и не должен бояться своей веры в то, что его слово может убеждать других.

— Откуда вы черпаете уверенность в том, что ваша этическая система правильна?

— Писатель — это единство его убеждений и его художественных способностей. Они неразделимы. Писатель пишет стихийно. Он не исходит из какого-то знания, он знает истину и излагает ее единственно верным способом. Гете сказал: «Талант подобен природе». Разве природу можно упрекать? Откуда у яблока убеждение в том, что оно должно расти, как яблоко? 20 тысяч лет стоят в садах яблоны и приносят яблоки, яблоки и яблоки. Наряду с ними существуют сливовые деревья, и из слив произрастают только сливы.

— Позвольте возразить вам, ваша честь! Вы говорите о «сознании» яблока. У яблока нет сознания. В этом различие.

— Я согласен с тем, что вы говорите о Марксе. И, конечно же, Маркс не был художником. Но у него была идея. Но ведь есть даже художники, которые думали о революции, — еще в XVIII веке, например, Вольтер, Руссо, которые воспринимали идею революции, как бы вы сказали, с душой и разрабатывали ее планы. Тут, безусловно, была своя этика.

— Совершенно верно. Но это происходило до революции, а затем наступила их проверка революцией, не совсем удачная.

— И практика!

— В этом случае нас можно сравнить лишь с революционером, который задним числом оправдывает революцию и говорит, что все было совершенно правильно. Тогда возникает вопрос: достаточно ли говорить о политических убеждениях или же революционеры должны доказать этическую правильность своих действий?

— Отсюда вытекает мой следующий вопрос: признаете ли вы, что у людей, которые заранее планировали советскую революцию — я не говорю о тех, кто очень рано, уже при Ленине, создавал ГУЛАГ, я говорю о тех, кто разрабатывал идею советской революции, — была своя этика!

— Ленин еще до революции заявил в Швейцарии: «Разумеется, мы сразу же поведем 800 землевладельцев». Как только началась революция, он в первый месяц после революции послал секретную телеграмму, которая до сих пор хранится в тайне. Только теперь ее наконец рассекретили: «Расстреливать! Расстреливать! Расстреливать! Чем больше, тем лучше! Никакой пощады!» Я уверен, что у него вообще не было никаких представлений об этике! У него было только одно убеждение: как только он возьмет власть

в свои руки, он сможет делать все, что захочет. ГУЛАГ создан не Сталин, а Ленин и во многих отношениях Маркс.

— Распространяете ли вы осуждение Ленина на всех советских революционеров? Я говорю не о послереволюционной концепции советской революции. Распространяете ли вы это осуждение на всех революционеров?

— Нет, не на всех. Разумеется, многие действительно верили, что наступит светлое будущее. Но мы имеем право констатировать, что после революции люди получили более основательный опыт, чем те, кто только планировал революцию.

— Если вы говорите о маленьком светлом пятне, какое представляли собой революционеры, которых вы не осуждаете, об этом маленьком луче надежды, — как вы объясните, что этот маленький луч надежды на то, что человечество станет лучше, так долго приворожал столь многих людей в России!

— Людям свойственно верить в светлое будущее и в светлые чувства. Но когда в XVIII веке и даже еще в XVII веке религия стала ослабевать, люди стали переносить эту религиозную веру исключительно на социальную область.

— Светская религия!

— Да. Когда религиозное чувство было потеряно, путь человека к самовоспитанию сузился. Центр тяжести был перемещен на строительство общества. Предполагалось, что в результате все станет хорошо, и по этому пути пошли затем революционеры.

— Откуда вы черпаете убеждение в том, что религиозные ценности являются такими уж позитивными ценностями!

— Из того, что религиозные убеждения на протяжении многих столетий сдерживали людей. В результате того, что

у нас — как я уже сказал в своей речи в Лихтенштейне, опубликованной в еженедельнике «Цайт», — с тех пор утрачено осознание Единого, Всеобщего и Высшего, мы теперь также неправильно понимаем и свободу. Свободу все больше связывают с собственными правами, а не с собственным самоограничением. Религия как раз и учит самоограничению. Но сегодня весь мир страдает именно от недостатка самоограничения.

— Разве христианская религия не приводила к ужасному варварству!

— Религиозные убеждения вследствие ограниченности человеческой природы приводили к расколу, к напряженности, к горячим спорам и даже к войнам. Католическая церковь допустила жестокие ошибки при насильственном распространении религии.

— Почему вы проводите различие между жестоким покорением всей Латинской Америки и убийством сотен тысяч людей революционерами во имя такой же зверской религии!

— Я не делаю между ними ни малейшего различия. Я посвятил изучению русской революции практически всю свою жизнь. Это ни в малейшей степени не означает, что я каким-то образом оправдываю действия нынешних американцев, то, как они истребили индейцев — нам вовсе не нужно говорить о Южной Америке, — или Англию, которая использовала «опиумную» войну для вторжения в Китай. Ясно лишь, что всей жизни человека не хватит, чтобы описать все эти события.

В известном смысле все ваши произведения — это проповедь. Верите ли вы в доброго человека, на которого можно повлиять, которого можно улучшить с помощью этой проповеди и многих других проповедей, но сейчас будем говорить о вашей гигантской проповеди!

— С помощью моей литературы? — Да, я называю ее проповедью.

— Почему я должен ограничиваться своей литературой? Это не только моя литература. Я верю, что с помощью литературы, а также других видов искусства можно влиять на людей. В каждом человеке идет борьба добра со злом. Вся литература, не только моя, если только она не опускается до низкого уровня, разумеется, может оказывать влияние.

— Это значит — вернемся снова к вопросу о вашем представлении о человеке, а оно почти созвучно представлению о человеке Руссо, — человек по своей природе добр, но он очерствел под воздействием общественных отношений. Если снять с него эту коросту, например, с помощью литературы, обнажится ли суть человека, то есть это позитивное начало!

— Что касается Руссо, то тут вы правы. Но я не разделяю концепции Руссо. Руссо допустил серьезную ошибку, утверждая, что человек добр и зло, которое делает плохим окружающий мир, среда. Я настойчиво заявляю вновь и вновь: линия, которая разделяет добро и зло, проходит через человека — не между государствами, не между партиями, не между народами, а через сердце каждого человека. По своей природе человек склонен и к добру, и к злу. Перед художником встает лишь один вопрос: попытается ли он оказать на это влияние, то есть передвинуть в человеке эту линию между добром и злом, или же он не предпри-

мет такой попытки? К сожалению, литература XX века во многом занимает эту вторую позицию: не стоит предпринимать такую попытку, это не наше дело. И в последние десятилетия это мнение все больше одерживает верх.

— Это значит, что вы, собственно говоря, более чем скептически относитесь к идее модернизма — не только в литературе, но давайте не выходить за рамки литературы.

— В январе этого года я выступил в Нью-Йорке с речью как раз по этому вопросу и могу кое-что добавить: у художника, который убежден в силе своего искусства, нет необходимости критиковать своих предшественников. Что меня больше всего возмущает в современном авангарде, так это стремление перечеркнуть все, что было прежде. Каждая стадия развития — это поиски правильного соотношения между сохранением унаследованного и созданием нового. Для меня важно лишь, чтобы такое равновесие соблюдалось. В последние десятилетия я вижу, что происходит как раз обратное.

— Существует просто сладострастная жажда сваливать в одну кучу возвышенное и низменное и страх показаться простым и искренним; вместо этого преобладает стремление вымучить из себя нечто такое, чего не было до сих пор.

— Значит ли это, что модернизм не служит подпиткой для вас как художника!

— Это верно, меня подпитывает не это. Но это не значит, что я не признаю это направление. Я уже старый человек. Конечно, мои корни там, где я вырос. Но я готов принимать новые формы. Я только против того, чтобы делать это исключительно ради них самих...

— ...Г-н Солженицын, вы вскоре вернетесь на Родину. Мы только что говорили о вашем представлении о человеке. Верите ли вы, что ваше физическое присутствие — в Москве или под Москвой — сможет упрочить вашу форму присутствия в искусстве и ваше влияние на события в России!

— Если бы в настоящий момент моя Родина находилась в хорошем состоянии, весь смысл моего переселения состоял бы в наблюдении за русской жизнью, чтобы потом перейти к описанию этой жизни в своих произведениях. После этой грандиозной эпопеи («Красное колесо») меня очень тянет писать маленькие рассказы. Быть может, мне будет этого достаточно. Но так как моя Родина находится сейчас в большой беде, я не смогу безучастно в общественном плане смотреть на то, что там проис-

ходит. Это будет стоить мне очень больших сил и много времени. А мне уже почти 75 лет.

— Вы думаете о духовной позиции или также об официальной позиции!

— Что вы имеете в виду под «официальной» позицией?

— Президент, например. Ростропович сказал, что надо сохранить фундамент памятника Дзержинскому и поставить туда вас. Итак, если вы станете монументом или духовным вождем, сможете ли вы тогда не только писать маленькие прекрасные рассказы, но также исполнять определенные функции в этом новом, хаотическом государстве!

— Общественной деятельностью я, во всяком случае, буду заниматься. Но я ни в коем случае не буду заниматься государственной деятельностью, я не возьму на себя никаких функций. Общественная деятельность — это огромная область. Меня, например, интересует состояние наших школ. Вероятно, можно будет через то поколение, которое сейчас ходит в школу, оказать влияние на будущее состояние России. Я преподавал много лет; поэтому школьное дело мне очень близко. И поверьте мне: мне не справиться даже с такой областью, как школьное образование.

— Возможны два варианта: может получиться так, что многие граждане в стране скажут: «Теперь приезжает человек, которого здесь не было, который теперь ничего не понимает». Одна литературная критикесса сказала: «Этот человек возвращается, но мы уже не знаем, кто он, а он не знает, кто мы». Или, наоборот, люди придут и скажут: «Мы его ждали!» — и будут потом апеллировать к вам. Как вы будете реагировать на это!

— Есть еще и третья возможность: «Это тот плохой человек, который приложил столько сил для борьбы с коммунизмом! С ним надо бороться, его надо уничтожить». Все это время я повседневно следил за тем, что происходит на моей Родине, используя радио, прессу и переписку. Страна меняется так быстро, что я осмелюсь сказать, что даже многие из тех, кто живет в России, не понимают, что, собственно, происходит. Разумеется, моя главная задача писателя состоит в том, чтобы, когда я вернусь в Россию, как можно глубже окупаться в ее повседневную жизнь. И если возраст и силы мне позволят, я очень скоро смогу хорошо ориентироваться.

— Приема у Ельцина не будет!

— В политической области у меня нет никаких амбиций.